

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

УДК 81'38

От публицистичности к публицистическому стилю: «Северная пчела» 1847 года

В. И. Коньков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Коньков, В. И. (2021). От публицистичности к публицистическому стилю: «Северная пчела» 1847 года. *Медиалингвистика*, 8 (2), 104–121.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.201>

Работа посвящена истории становления публицистического стиля. Публицистичность как качество текста СМИ или художественной литературы старше публицистического стиля. Этим качеством отличаются многие знаковые тексты русского Средневековья и более поздних эпох. Природа публицистического стиля определяется, однако, не только публицистичностью, но и утилитарностью — прямой и непосредственной включенностью в общую практическую деятельность общества. Текст СМИ в своем существовании всегда связан с координатами социального пространства-времени, определяющими время и место его опубликования. Публицистические тексты в настоящее время функционируют в коммуникативной среде СМИ и интернета. Принято говорить о коммуникативной среде современных медиа. Наряду с публицистической речью в коммуникативной среде медиа функционируют и другие типы утилитарной речи: реклама, PR, GR. Публицистический стиль в его современном понимании возникает тогда, когда в одном тексте органически сочетаются публицистичность и утилитарность. Данная гипотеза требует подтверждения на основе лингвостилистического анализа печатных материалов русских газет и журналов XVIII–XX вв. Проводится анализ публикаций газеты Ф. В. Булгарина «Северная пчела» — одной из наиболее влиятельных газет середины XIX в. Опубликованные материалы не отличаются стилистическим единством. Публицистический стиль в его современном понимании еще не сложился, но газета много сделала для того, чтобы общество в XX в. получило воздействующую печатную медийную речь как одно из наиболее значительных достижений в речевой практике общества. Ф. В. Булгарин предвосхитил появление изданий, основанных на речевой концепции разговорно-

сти. В публикациях «Северной пчелы» хорошо заметен начавшийся переход от синтагматической прозы к актуализирующей, который лишь через несколько десятков лет начал обозначаться и в художественной литературе.

Ключевые слова: публицистичность, публицистический стиль, утилитарная речь, бульварное издание, синтагматическая проза.

Постановка проблемы

Несмотря на то что изучению публицистического стиля посвящено огромное количество работ, история его формирования остается практически неизученной. Фундаментальных трудов по этой теме нет. Не существует и теоретической базы, которая могла бы лечь в основу изучения истории этой разновидности русского литературного языка. Построению строгой научной теории мешает неопределенность содержания ряда терминов, смежных с понятием *публицистический стиль* и образующих понятийную базу исследования: *медиа́речь*, *медийность*, *публицистичность*. Существенные трудности при изучении истории публицистического стиля обусловлены тем, что многие публикации представляют собой набор теоретических положений, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку они не опираются на анализ речевого материала. Разработать понятийное содержание трех указанных выше номинаций, придать им коммуникативный статус терминов с нацеленностью на историко-лингвистические исследования, подтвердив теоретические положения анализом конкретного речевого материала, — цель нашего исследования.

История вопроса

История публицистического стиля ведет свое начало от истории публицистики и публицистичности, которые старше публицистического стиля и которые в том или ином виде затрагивались в научных работах различной тематики. Так, В. Д. Левин в работе, посвященной истории русского литературного языка, говорил о том, что публицистика московской эпохи характеризуется книжно-литературным типом письменного языка, противопоставленного приказному языку в государственно-официальной сфере, однако «уже в XI веке, а более широко в XVI–XVII вв., появляются такие литературные произведения, которые, не принадлежа по-своему жанру к собственно деловой литературе, тем не менее тяготеют к народно-разговорному языку и приказной речи и очень далеки от традиций церковнославянской литературы» [Левин 1964: 96]. В качестве примера Левин называет публицистические произведения и челобитные Ивана Пересветова (XVI в.). Однако специалисты по истории литературного языка, говоря об общих тенденциях его развития, хотя и останавливаются на некоторых особенностях публицистической, газетной речи, но никогда не делают ее главным объектом исследования.

Специалисты по истории древнерусской и русской литературы всегда выделяли как особый тип произведений публицистику, говорили о публицистичности русской литературы. Д. С. Лихачев, подчеркивавший, что «XVI век характеризуется чрезвычайным развитием публицистической мысли», писал: «Публицистика XVI века отражала по преимуществу борьбу внутри класса феодалов: между дворянством

и боярством. Передовые дворянские публицисты считали себя заступниками общенародных интересов. Невольно в сочинения дворянских публицистов проникают некоторые ренессансные идеи и представления. Так, например, Иван Пересветов выдвигает принцип равенства всех перед лицом государя, ратует против неравенства по рождению и за неравенство, создаваемое самим правительством, награждающим лучших. Он выступает за свободу страны» [Лихачев 1972: 22].

Заметим, что и специалисты по истории русского языка и русской литературы говорили именно о публицистике и публицистичности и не употребляли термин *публицистический стиль*. Под публицистичностью понимались такие качества текста, как открыто выраженная авторская позиция, умение полемизировать, обличать пороки, стремление воздействовать на читателя, убедить его в правильности своих взглядов, желание проповедовать благородные стремления и рассеивать заблуждения. Заметна и установка на демонстрацию речевого мастерства. Все эти свойства могут быть присущи и той разновидности речи, которую сейчас называют публицистическим стилем, но они не являются необходимыми и достаточными для квалификации текста как исполненного в публицистическом стиле.

Несмотря на то что имеется много оснований утверждать, что публицистичность и публицистический стиль не одно и то же, некоторые исследователи употребляют данные номинации неосторожно. М. В. Иванова, анализируя в лингвистическом аспекте истоки публицистического стиля и повторяя идеи, высказанные в свое время В. Д. Левиным, пишет о том, что «характерные черты публицистического стиля складываются в древнерусской художественной словесности (летописи, жития, хождения, послания) и к XVII в. находят весьма яркое выражение в художественных текстах. К этому же времени и деловой язык, расширяя свои функции и сближаясь с языком литературным (Стоглав, Домострой, челобитные Пересветова, статейные списки, вести-куранты), приобретает публицистические черты» [Иванова 2008: 18]. Содержание процитированного фрагмента говорит о том, что автор под номинацией «черты публицистического стиля» имеет в виду именно публицистичность.

Казалось бы, изучение истории публицистического стиля должно получить свое начало в рамках исторической стилистики. Однако статья об исторической стилистике в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», написанная в свое время М. Н. Кожиной, посвящена не столько принципам описания отдельных стилей, сколько специфике исторической стилистики как одного из направлений общей стилистики [Кожина 2003: 416].

Имеются многочисленные работы, посвященные отдельным частным проблемам различной тематики, где старые журнальные и газетные публикации рассматриваются всего лишь как источник материала. Приведем в качестве примера работу И. Б. Дягилевой «Новая иноязычная лексика в газете “Северная пчела” (30–40-е гг. XIX в.)» [Дягилева 2012], в которой газетные материалы рассматриваются прежде всего как источник материалов для словаря. Будучи ценными для своего научного направления, такие работы имеют лишь косвенное отношение к лингвистической истории публицистического стиля.

Многочисленные фундаментальные и учебные работы по истории журналистики чисто лингвистической истории публицистического стиля практически вообще не касаются, внимание исследователей направлено на описание того или

иного издания в общелингвистическом и журналистском плане. Так, М. М. Ковалева в книге по истории русской журналистики посвятила Ф. В. Булгарину интереснейшую главу [Ковалева 1996: 74–87], однако лингвистическая история публицистики, как и у других авторов, остается вне поля зрения.

Разумеется, существует достаточно большое количество работ об отдельных стилистических явлениях в газетных и журнальных материалах прошедших эпох. Однако эти разрозненные публикации, не объединенные общим концептуальным началом, не позволяют хотя бы в общем виде дать более или менее целостную картину истории публицистического стиля.

Важной особенностью современных работ, посвященных исторической проблематике русской публицистики, является обращение к невербальным компонентам газетных и журнальных публикаций, поскольку в теории публицистического текста положение о визуализации информационного потока стало общим местом. Укажем на характерную в этом плане работу С. И. Сметаниной «Изображение и слово: сюжетные иллюстрации в журнале “Вокруг света” в конце XIX — начале XX в.» [Сметанина 2016].

Описание методики исследования

Начальной позицией в сфере исследований по истории публицистического стиля должно стать определение содержания тех терминов, которые составляют понятийную базу исследования (*публицистичность, публицистический стиль, медийная речь*), а также установление системных отношений между ними.

Содержание понятия *публицистичность*, обозначенное выше, достаточно полно и корректно определено в исследованиях по истории русской литературы. Так, идея публицистичности в XVI в., писал Я. С. Лурье, связывалась с «памятниками полемическими, направленными против конкретных противников и отстаивающими определенные политические и идеологические позиции» [Лурье 1980: 274]. В качестве примеров назывались произведения Иосифа Волоцкого, митрополита Даниила, Вассиана Патрикеева, Максима Грека, Ивана Пересветова, Ивана Грозного, А. Курбского. В таком же плане можно говорить о публицистичности и в последующем.

Что касается понятия *публицистический стиль*, то его структура совершенно иная. По нашему глубокому убеждению, которое сформировалось на основе многолетней работы с текстами СМИ, главной особенностью этой разновидности речи является ее утилитарность, непосредственная включенность в общую практическую деятельность общества [Коньков 2016]. Текст СМИ создается для *здесь и сейчас*. Его содержательная ценность и специфика определяются координатами социального пространства-времени [Сорокин, Мертон 2004]. Если художественное произведение, роман, повесть, поэзию, научную статью можно читать в любое время в любом месте, независимо от места и времени опубликования, то смысл существования газетной публикации ограничен местом и временем ее появления на свет. Точно так же утилитарна бытовая разговорная речь, вписанная в практику повседневного бытового существования. Но если разговорная речь — средство повседневной коммуникации в сфере межличностного общения, то речь СМИ — средство повседневной коммуникации социума.

Рядом с той речью, которую принято называть публицистическим стилем, в коммуникативной среде СМИ и интернета существуют и другие виды утилитарной речи. Наиболее известные из них — реклама, PR, GR, социальные сети. Список открытый. Так, Т. А. Соломкина полагает, что театральная речь также может быть поставлена в один ряд с другими разновидностями утилитарной речи [Коньков, Соломкина 2020]. Специфика любого типа утилитарной речи обусловлена сочетанием утилитарности и специального функционального предназначения.

Поскольку все обозначенные типы утилитарной речи существуют в коммуникативной среде СМИ и интернета, мы полагаем, что для их обозначения целесообразно использовать номинацию «медийная речь». Медийность — значит утилитарность различного функционального типа. Публицистический стиль формируется тогда, когда идея публицистичности соединяется в органическое целое с идеей утилитарности.

Внешний вид утилитарной речи как средства повседневного общения социума может быть достаточно разнообразным, поскольку зависит от технических возможностей фиксации речи. Оглядываясь на предшествующие периоды развития русской речи, мы можем обозначить по крайней мере два ее вида. Во-первых, это древнерусские берестяные грамоты XII–XV вв. Во-вторых, это издания типа первой русской газеты «Ведомости», где поначалу печатались тексты преимущественно чисто утилитарного типа, и мы не можем считать их принадлежащими публицистическому стилю в современном или хотя бы близком к нему понимании. Оперативность опубликования информации была чрезвычайно низкой. Газета не ставила своей основной целью результативное воздействие на сознание читателя. Тираж газеты был настолько мал, что говорить о массовой аудитории не приходится.

Обозначенная базовая система терминов дает нам программу изучения становления публицистического стиля: на основе анализа конкретного газетного речевого материала последовательно и систематично описывать и анализировать процесс взаимодействия публицистичности и утилитарности, его особенности, обусловленные национально-культурной и временной спецификой. Только те теоретические положения, которые основаны на изучении достаточно большого количества речевого материала, могут быть приняты во внимание.

Ниже предлагается анализ в обозначенном аспекте речевого материала газеты «Северная пчела», одного из знаковых изданий русской прессы 1825–1864 гг. 1847-й выбран нами как год, имеющий символическое значение в истории русской литературы и русской общественной мысли. Вышел первый номер журнала «Современник» Н. А. Некрасова, во многом определившего ход дальнейшего развития русской литературы.

Анализ материала и результаты исследования

О «Северной пчеле» часто можно встретить расхожее мнение, что «это была газета новостей (редчайшее тогда для России явление), а не газета мнений (обычный тип изданий в России)» [Козлова 2000: 44]. Однако, читая газету, мы видим, что все-таки большой объем занимает аналитический речевой материал, в том числе связанный с литературой и литературной критикой: в этой сфере сталкивались идеологические течения и литературные школы. Интересно, что именно «Северная

пчела» литературную школу Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского и близких им литераторов «почтила названием “натуральной”, думая им унижить ее» [Белинский 1982: 566]. В. Г. Белинский обсуждает в своих заметках и рецензиях публикации анализируемого издания преимущественно в аспекте литературно-критическом, выражая свое крайне негативное отношение. Если речь и заходила о языке, то чаще всего обсуждались проблемы общезыкового плана, лежащие вне проблематики, касающейся специфики медийной речи: «Правда, по временам она пишется языком хотя бесцветным и безжизненным, но более или менее правильным; но почему-то находит на нее полосами безграмотное время, когда она — этот страж чистоты и правильности русского языка — наполняется галлицизмами, барбаризмами, всяческими ошибками, самыми грубыми, против духа языка и правил его грамматики» [Белинский 1982: 565].

И все же В. Г. Белинский отдает должное «Северной пчеле» и Ф. Булгарину как ее издателю. Крайне чутко воспринимающий современный литературный и вообще речевой, контекст, обладающий абсолютным слухом на литературную речь, В. Г. Белинский не мог не заметить того нового, что привносит в речевую публичную жизнь «Северная пчела». Великий критик понимает, что газета «вовсе не принадлежит к литературе, о которой так много и так бесплодно хлопочет, потому что держится политическими известиями и фельетоном, а вовсе не литературой» [Белинский 1982: 505–506]. Уловив и четко сформулировав (в своих литературно-критических координатах) обусловленную этим обстоятельством речевую специфику издания, Белинский осмысливает ее как некую новизну, которая появляется в русской публичной речи, хотя и оценивает ее отрицательно: «В фельетоне “Правдолюбивой газеты” очень часто говорится всегда одно и то же, вместо доказательств употребляется брань, а потом в нем же еще чаще толкуется о магазинах, булочных, табачных и других лавочках и тому подобных предметах. После этого не удивительно, что фельетон способствует ходу этой газеты: известия о разных житейских предметах важны для многих, а охотников до журнальной брани тоже много. Кроме того, к этой газете, давно уже издающейся, все привыкли, да и — надо сказать правду — она все-таки принадлежит если не к лучшим, то и не к худшим нашим газетам (благо у нас их немного); она аккуратно выходит, аккуратно отправляется в провинцию; потом в ней встречаются иногда очень интересные статьи по разным специальным предметам. Поэтому понятно, что пока в Петербурге не будет издаваться другой частной ежедневной газеты, политической и литературной, — наша “Правдолюбивая газета” — по пословице: на безлюдьи и Фома дворянин — будет продолжать пользоваться большим расходом в публике» [Белинский 1982: 566].

Этот пассаж из статьи В. Г. Белинского заставляет нас обратить на него внимание, поскольку автор, по сути дела, предвидел формирование в будущем двух основополагающих речевых концепций медийного текста: книжности и разговорности.

В советское время в силу господствовавшей идеологии и соответствующих ей норм повседневного общения социума при создании медиаконтента доминировала концепция книжности. Автор ориентируется на официальный тип общения. В письменной речи обращается к книжному синтаксису, что подразумевает использование значительных по степени распространенности синтаксических конструкций, сложных предложений, активное использование различных способов ослож-

нения предложения в виде однородных и обособленных членов и др. Используется преимущественно книжная лексика. При построении текста автор ориентируется в значительной степени на законы формальной логики. При необходимости употребить выразительные средства использует риторический потенциал, при назывании лица — систему номинации лица по должности, профессии, общественному положению и т. д. Интертекст формируется на основе таких же книжных текстов, преимущественно письменных. Источники информации всегда атрибутируются, локализованы в координатах социального пространства-времени.

На основе концепции разговорности формируется другой тип медиатекста. Главное здесь — ориентация на межличностный тип коммуникации. Автор текста включается в общение с читателем со своими чувствами и эмоциями, он психологически ближе к читателю. Синтаксический строй текстов в большом количестве включает в себя конструкции, характерные для разговорной речи, генерирующие в тексте разговорные интонации при его мысленном озвучивании (малораспространенные, односоставные и неполные предложения). Текст строится не на строгих законах формальной логики, а на основе здравого смысла, практического рассуждения, которое направлено не на установление истины, а на решение практических задач. Автор при этом может апеллировать к эмоциям, чувствам читателя. Широко распространена языковая игра как средство самореализации и социализации. Информационный поток формируется на основе неавторизованных источников информации, которые существуют преимущественно в устном виде: слухи, различного рода толки, разговоры, байки. Это могут быть передаваемые от одного человека к другому истории, случаи. Такой неавторизованный информационный поток играет важную роль в личной жизни человека, влияет на принятие решений, побуждает к совершению определенных действий, поступков.

Концепция книжности реализуется в хорошо знакомых нам массовых общественно-политических изданиях, таких как «Известия», «Российская газета», «Коммерсантъ», и, разумеется, в деловых изданиях типа газеты «Ведомости». Концепция разговорности наиболее полно представлена в изданиях типа «Экспресс газета». Такие газеты часто называют «желтой прессой», говорят о «желтизне» издания, что в общем-то неправильно. Определение *желтый* применительно к прессе означает «соглашательский, реформистский; продажный, предательский» [Словарь... 1981: 476]. Издания, подобные «Экспресс газете», таковыми не являются. По типу издания, их содержательно-речевым характеристикам газету следует отнести к бульварным, т. е. к изданиям, «рассчитанным на обывательские мещанские вкусы» [Словарь... 1981: 124].

Если исходить из того, что обыватель — это «человек, лишенный общественного кругозора, с косными, мещанскими взглядами, живущий мелкими, личными интересами» [Словарь... 1982: 580], то каждый из нас в какой-то части своей жизни, а именно в сфере повседневного быта, имеет мелкие, личные интересы. Мы все в большей или меньшей степени являемся здесь обывателями. Именно на эту сторону жизни человека и рассчитано бульварное издание. Отчасти сказанное помогает понять нам, почему они имеют достаточно большой тираж.

Содержание бульварного издания касается всех сторон жизни общества: политика, экономика, общественная жизнь, преступность, шоу-бизнес и т. д. Однако все эти темы представлены в их бытовом виде. Бульварное издание интересует не

преступность вообще, а ее бытовые проявления: автор беседует с бывшим вором о том, какие замки не следует ставить в двери. Политики, эстрадные исполнители, спортсмены также интересны в чисто бытовом плане: семейная жизнь, заработок, одежда, где и с кем отдыхают и т. д.

Концепция разговорности может быть реализована в телевизионной передаче, в особенностях речи ведущего (А. Малахов), формировании речевого имиджа политика (В. В. Жириновский). Можно говорить не только о бульварных изданиях, но и о бульварном типе речевого поведения.

Ф. В. Булгарин не имел такого опыта работы с газетными изданиями, который накоплен в журналистике к настоящему времени, однако он почувствовал, что ориентация на подобный тип речевого поведения может принести успех изданию, поэтому он и печатает фельетоны, в которых, как пишет В. Г. Белинский, «толкуется о магазинах, булочных, табачных и других лавочках и тому подобных предметах. ...фельетон способствует ходу этой газеты: известия о разных житейских предметах важны для многих» [Белинский 1982: 566]. Вот фрагмент о неудавшемся бале:

Часов в девять вечера несколько записных светских юношей прискакали туда в модных фраках и длинных жилетах белого пике. Их желтые, крепко натянутые перчатки едва не лопались на руках, горевших от нетерпения скорее обвиться вокруг стройной талии львицы, более кроткой, нежели те, что показываются в зверинце Зама. Но пробило десять, потом десять с половиною часов, и — о горесть! — в зале едва собралось несколько пар для танцев, пять, шесть военных, притом не гвардейцев, и в одиннадцать часов, когда все надежды, напрасно питаемые, должны были жестоко рушиться, в зале вряд ли находилось около ста лиц обоего пола; при обширности же помещения, которого далеко не стеснила бы и тысяча, казалось на взгляд и того менее. Разумеется, что в таком малочисленном обществе не могло образоваться характера настоящего бала, непременно требующего многолюдства и беспрестанного движения; посетители, несколько дней исполненные несбывшегося ожидания, видимо скучали, и бледный, бесцветный бал кончился ровно в полночь, не продолжившись и двух часов включительно. <...> Что же было причиною неуспеха первого здесь собрания? Знаток дело разрешают вопросом несколькими причинами. Во-первых, говорят они, в прежние годы, за билет на бал платили не более 50-ти коп. серебром; теперь цена эта утроена, а наем экипажа, для семейства, стоит от 3 до 4-х руб. серебром. — (Берем смелость не принять во внимание первой причины. Что значит пять, шесть рублей серебром людям, в условия жизни которых входят балы, всякие разъезды и развлечения столичные! Людям недостаточным, конечно, дорого, но они, в скромном жребии своем, и не гонятся за светскими затеями. Гораздо уважительнее остальные причины.) — Во-вторых, отсутствие гвардии — статья важная, капитально обсуждаемая опытными маменьками, которые, вероятно, благоразумно сказали дочкам: «Потерпите! будет еще пять балов (без сомнения, удачнейших), а в начале августа полки воротятся...» (02.08.1847).

Ориентацию на сферу разговорности можно заметить и в новостных текстах. Так, рассказы о происшествиях могут быть выдержаны в жанре бытового рассказа и в интонации, близкой к разговорной:

Аккерман, 10-го июля.

7-го июля, в 6 часов пополудни, налетела в наш город саранча в весьма большом количестве. Полет ее был ужасен: две темно-серые тучи, одна с запада, а другая с юга,

быстро подвигались к Днестровскому Лиману, возле которого, соединяясь, начали опускаться, и саранчи пало в таком множестве, что невозможно было ни ехать, не ходить; подвигаясь весьма низко от земли, она обратилась на виноградные сады, где и села на ночь, почему некоторые хозяева (что всего удивительнее, знавшие, что саранча никогда не делает порчи виноградникам) обратились в сады с народом и стали гонять саранчу, стуча в доски, тазы и тарелки, но саранча, как бы упорствуя еще более, собиралась в те сады, где ее гоняли, садилась на ветви деревьев и тяжестью своею поломала их, а гонявшие поломали кусты виноградные. 8-го числа в 5 1/2 часов утра, она снялась с садов и полетела на плавни, но не находя там камыша — ибо он был преждевременно скошен — обратилась к низменным садам, и села огромною массою на камыш, принадлежащий к саду Генерал-Майора Загорского, еще не скошенный, а также и на огород, и в продолжение 15-ти минут истребила весь камыш и огородные произведения, и значительно поломала деревья и виноградные кусты; в восемь часов снялась с саду и полетела к даче Тайного Советника Марина. 9-го числа не было ее видно, 10-го, в 9 часов утра, она пролетала опять через город большею тучею по направлению к той же даче.

В уезде вообще ее весьма много, и истребления — ужасны! П. А. (Од. В.) (04.08.1847).

Лингвостилистические особенности данной публикации очевидны. Прежде всего отметим, что происшествие представлено на основе изобразительного повествования с семантикой событийного типа, в котором вместе с тем большую роль в актуализации изобразительного начала играет лексика идентифицирующего типа. Содержание отличается излишней детализацией: последовательно и точно рассказывается, куда и когда летела саранча.

Необычны для нас синтаксические особенности газетной информационной прозы того времени. Сразу же обращает на себя внимание чрезмерная длина сложного предложения. В одно высказывание, в одну коммуникативную единицу объединены 17 предикативных конструкций, которые воссоздают картину происшедшего.

Подобный синтаксический способ представления содержания характерен для синтагматического типа прозы. Данный термин мы употребляем в рамках концепции Н. Д. Арутюновой, которая противопоставляла два типа художественной прозы — синтагматический и актуализирующий [Арутюнова 1972]. Синтагматический тип прозы сложился как классический, свойственный русской классической литературе XIX в., когда при построении текста произведения доминировала точка зрения автора. Данный тип прозы «развивает и совершенствует по преимуществу технику синтагматического аспекта синтаксиса, являющегося для него доминантой. Создается чрезвычайно разветвленная и тонко нюансированная система синтагматических средств связи, разрабатываются способы иерархического соотношения элементов предложения, формируется длинный синтагматический период, включающий в себя несколько грамматических центров актуализации высказывания — глаголов в личной форме. Отдельные предложения интегрируются в один сложный синтагматический цикл» [Арутюнова 1972: 193].

Н. Д. Арутюнова говорила о синтагматической прозе применительно к прозе художественной, однако, читая публицистику середины XIX в., мы видим, что данная теория хорошо описывает синтаксис не только художественной, но и публицистической прозы.

Такой тип прозы не предполагает ее мысленного интонирования, поскольку количество предикативных единиц столь велико, что не поддается интонацион-

ному объединению, эта проза «читается глазами», что, однако, не мешает интонационно осмысливать отдельные фрагменты построения. Так, легко интонируются *полет ее был ужасен; одна с запада; другая с юга; невозможно было ни ехать, ни ходить*. Интонация разговорности создается конструкциями, которые генетически связаны с разговорной речью и неизбежно тянут за собой разговорную интонацию: малораспространенные, неполные и односоставные предложения. Именно благодаря им в книжной речи начинает звучать интонация лично окрашенной разговорной речи.

Такой принцип использования синтаксических средств для выражения авторского «я» в современной медийной речи едва ли не основной, но он начал осваиваться, как мы видим, авторами еще в середине XIX в.

Широкому использованию обозначенного выше типа изложения отчасти способствовал тот факт, что «Северная пчела» была частным изданием. И первой частной газетой, которой было разрешено печатать новости, касающиеся политической жизни.

В то же время не менее активно в «Северной пчеле» публикуются и материалы, основанные на концепции книжности. Прежде всего здесь следует назвать официальную хронику, связанную с деятельностью императора. Чуть ли не каждый номер начинается с известий о том, какие действия за прошедшее время были им предприняты.

Санкт-Петербург, 31-го июля.

Высочайшим Приказом, по Гражданскому Ведомству, 22-го июля, произведены, за выслугу лет, из Коллежских в Статские Советники: Нижегородской Губернии, Вице-Губернатор Панов и Губернского Правления Старший Советник Камер-Юнкер Григорьев, со старшинством: Григорьев с 1-го Ноября 1846. Панов с 21-го Апреля 1847 года. — Назначен, Департамента Министерства Юстиции Начальник Отделения, Статский Советник Харченко, Юрисконсультантом по консультации при Министерстве учрежденной. Уволены от службы по прошениям: Пензенский Полицмейстер, Надворный Советник Клушин, с чином Коллежского Советника и с мундиром, последней должности присвоенным; Лебедянского Уезда 1-го участка Посредник по размежеванию земель, Статский Советник Иваненко; Виленского Дворянского Института врач Статский Советник Врублевский, с чином Действительного Статского Советника и с мундиром последней должности присвоенным; С. Петербургского Университета Ординарный Профессор, Статский Советник Сенковский, с мундиром последней должности присвоенным. (Р. И.) (01.08.1847).

Данный тип речи отличается высокой степенью употребления стандартных синтаксических конструкций, принятых в то время в административно-канцелярском обороте. Текст совершенно не предназначен для озвучивания, современному читателю, незнакому со стилем канцелярских бумаг того времени, не соприкасающемуся с ними в речевой повседневности, он труден для восприятия даже при неоднократном перечитывании.

Такого же рода стиливая манера используется и при официальных известиях о деятельности государственных учреждений.

Государственный Совет, в Департаменте Законов и в Общем Собрании, рассмотрев представление Г. Министра Внутренних Дел о раздаче пустопорожних земель

частным владельцам в окрестностях столиц под устройство дач на сроки до 30-ти лет и признавая со своей стороны поставляемые на вид побуждения к доставлению более средств и возможности для устройства в окрестностях столицы дач красивых, удобных и вполне соответствующих своему назначению, весьма уважительными, — Мнением, удостоенным Высочайшего утверждения в 7-й день июля, положил: силу заключающегося в ст. 1,422 Зак. Гражд. (Св. Зак. т. X) постановления касательно отдачи частных, пустопорожних земель в аренду или содержание на сроки до 30 лет, когда предполагается устроить на них фабрики или заводы, распространить и на наем таковых земель под устройство дач в окрестностях обеих столиц, на двадцати-пяти-верстном от оных расстоянии (08.08.1847).

Значительная длина словосочетаний, дистантное расположение главного слова (выделены полужирным шрифтом) и зависимых от него слов делают публикацию более чем трудной для осмысления. Такой текст важен прежде всего самим фактом своего опубликования и изначально не предназначается для обычного чтения в повседневной бытовой обстановке.

Публикации, посвященные экономической и общественной жизни государства, по их лексическому строю более или менее близки к подобным публикациям нашего времени. По-видимому, объясняется это тем, что тексты такого рода в силу их общедоступного содержания были относительно свободны от давления административно-канцелярского этикета. Поэтому в лексическом плане они, с одной стороны, ориентированы на общеупотребительную лексику, с другой — включают слова той лексической группы, которая характерна для текстов данной тематики. Что же касается синтаксиса, то он и здесь полностью укладывается в рамки синтагматического типа прозы.

Аренсбург, 21-го июля.

Английский двух-мачтовый купеческий корабль «Мария», шкипер Робинсон, шедший из Ливерпуля с грузом хлопчатой бумаги и красильного дерева, стал на мель в ночи на 17-е июля, в расстоянии около шести верст от пристани Саране, между пограничными постами Кова и Карраль. По распоряжению пограничной стражи и земской полиции, при помощи местных жителей, шкипер Робинсон, сняв 85 мест хлопчатой бумаги, кампешевого дерева и кверцитрона, снялся с мели и отправился к месту назначения, а товарные места поступили в ведение Аренсбургской таможни, впредь до распоряжения об них хозяина. (К. Г.) (08.08.1947).

В середине XIX в. усиливается содержательно-речевая тенденция развития прессы, которая позже станет доминирующей и приведет к существенным переменам в речевом облике прессы. Речь идет об информационных новостных текстах сугубо утилитарного типа, которые вписаны в практическую деятельность общества, являются ее частью. Содержательно они включены в общую практическую деятельность страны не в глобальном плане, а привязываются ко все более конкретным координатам социального пространства-времени. Традиции публикации текстов такого типа были в России того времени достаточно слабы. Материалов, посвященных общественной, политической, экономической жизни России, в газете немного. Зарубежная хроника значительно превосходит их по объему.

Рассмотрим несколько таких новостных публикаций, посвященных социально-экономической жизни России.

По значительности коннозаводств Воронежской Губернии, известных в России, покупка лошадей производилось до сего времени преимущественно в самых заводах; ныне Гг. коннозаводчики согласились, с настоящего 1847 года приводить с своих заводов для продажи лошадей в город Воронеж, на ярмарку, к 11-му числу Августа.

Цель сосредоточить в городе Воронеже таковую торговлю есть единственно та, чтобы доставить более способов и удобств лицам, занимающимся покупкою лошадей, а в особенности господам ремонтерам избирать оных из общей массы, не употребляя ни лишнего времени, ни издержек на разъезды по заводам. О чем объявляется по сведению, как Гг. покупателям, так и желающим приводить лошадей на ярмарку. (Екатериносл. Губ. В.) (01.08.1847).

Общество первоначального страхового заведения транспортов в России, на основании Высочайше утвержденного Устава своего, открыла ныне и в городе Бердичеве контору, с целью предоставить пересылателям туда и оттоль товаров и вещей более удобства и способа к обеспечению посредством страхования, и о том долгом считает известить Гг. производящих с означенным краем корреспонденцию. Причем присовокупляет, что таковые же конторы сего заведения находятся: в С.Петербурге, Москве, Риге, Одессе, Харькове, Киеве, Кременчуге, Новгороде, Курске, Нижнем Новгороде и Ромнах (в последних двух городах во время ярмарок), и комиссионерства: в Ревеле, Дерпте, Митаве, Твери и Туле, и что посему господа купцы могут воспользоваться всеми выгодами, поручая своим комиссионерам и фабрикантам отправлять свои товары через поименованные конторы (04.08.1847).

В минувшем июле город Архангельск постигнут был сильным пожаром, которым истреблено четыреста домов.

По доведении о сем происшествии до Высочайшего сведения Государя Императора, Его Величество Всемилостивейше соизволил пожаловать в пособие пострадавшим от пожара жителям 50,000 рублей серебром, для раздачи которых послан в Архангельск Флигель-Адъютант Истомин. Сверх того для возобновления сгоревших домов, разрешено отпустить 50,000 дерев из казенных дач (04.08.1847).

Мы видим, что в грамматическом плане перед нами все тот же тип синтагматической прозы, основные особенности которого в анализируемом издании уже были нами отмечены. Тираж газеты, по сравнению с тиражами газет XX в., очень невелик, в разные времена он колебался от четырех с половиной тысяч экземпляров до десяти тысяч. У газет того времени нет массовой аудитории, поэтому пока еще не встает проблема готовить материалы, рассчитанные на массовую аудиторию. Данная ситуация способствует тому, что в издании в новостных материалах доминирует синтагматический тип прозы. Мы не можем говорить о том, что «Северная пчела» является газетой в современном нам смысле.

В то же время информационные тексты, которые представлены в разделе «Смесь», пишутся совершенно в ином ключе, с ориентацией на концепцию разговорности.

В Английских журналах описываются произведенные недавно на острове Вейге опыты над подводным электрическим телеграфом. Конечные пункты телеграфической линии находились на противоположных берегах бухты Ковес. Между этими пунктами проведена была поперек бухты простая проволока. Опыты имели результат совершенно удовлетворительной. Трудно исчислить, какие огромные последствия может иметь это новое открытие! Быть может, посредством таких телеграфов

устроится мгновенное сообщение между самыми отдаленными пунктами на Земном Шаре (13.08.1847).

Отметим еще одну примечательную особенность новостных текстов «Северной пчелы». Сравнивая их с современными, мы осознаем, что сегодняшняя степень конкретизации координат социального пространства-времени для прессы России середины XIX в. была недостижима. В начале публикации могло не указываться ни место, ни временные координаты происходящего. Однако в определенном количестве новостных текстов имеется четкое указание на место и время произошедшего события:

В американской газете Sun, от 23 июля обнародовали статью, которая произвела некоторое впечатление. Дело состоит в покупке острова Кубы и в присоединении его к Соединенным Штатам. Это странное предложение сделано издателем Sun, который совершил, за несколько времени пред сим, путешествие в Гавану (13.08.1847).

Цюрих, 8-го Августа. Сегодня был открыт первый отдел Швейцарской северной железной дороги между Цюрихом и Баденом (13.08.1847).

Встает вопрос: а была ли нужна читателям того времени конкретизация содержания в пространственно-временных параметрах? Поскольку дальнейшее развитие печати идет как раз по пути локализации содержания в координатах социального пространства-времени, то очевидно, что такая точность была необходима.

Политическая составляющая в новостных текстах о внутренней жизни России присутствует в опосредованном виде и в минимальном количестве. По-видимому, именно на текстах подобного содержательно-лексического типа, ориентированных на средний класс, на его способности к оперативному чтению (при одновременном увеличении тиража изданий), и будут затем формироваться публикации, рассчитанные в лексико-грамматическом плане на массовую аудиторию.

Объем новостных текстов о зарубежной жизни существенно больше, и они политизированы в гораздо большей степени, невозможной в текстах о внутренней жизни России. Те, кто писал эти тексты для газеты, были свободны от власти российского административного дискурса, и их лексико-грамматический строй определял стилистическую специфику лично окрашенного новостного дискурса более чем на полтора столетия вперед.

АНГЛИЯ. Лондон, 2-го Августа

Доныне известны 334 выбора, в том числе 203 виги, 64 приверженцев Пияля, и 67 протекционистов. В Morning Herald, 30-го Июля, изъявляют мнение, что результаты выборов Лондонской Сити должно приписать искусно устроенной системе подкупов, основанной на совершенно новых средствах: «Мы узнали, пишут в этой газете, что за несколько дней пред сим послали в один город восточной Англии, в котором случались частые и самые бессовестные подкупы, за агентом, посвященным во все тайны соблазна, но мы не думали, что такая система могла когда-либо иметь успех между Лондонскими избирателями. Мы ошиблись. Положительно известно, что во всех внешних округах, в котором живут не самые богатые избиратели, вчера явно продавали голоса. Когда избиратели являлись для подания своего голоса, люди, никому неизвестные, отводили их в сторону и вступали с ними

в переговоры. — Некоторые обращались к членам охранительных партий, и говорили им: “Нам предлагают столько-то, хотите ли дать нам такую же сумму, или мы должны будем подать голоса против ваших кандидатов”. Им отказывали, и избиратели подавали голоса в пользу вигов. — Таким образом виги приобрели голоса, на которые вовсе не рассчитывали, исключая, впрочем, членов комитета, посвященных в тайну. Надеемся, что будет произведено следствие над этим постыдным делом, заслуживающим самого тщательного исследования». Да, соблазнился потомком, и если мы обвиняем комитет вигов, то потому, что имеем средства доказать обвинение (02.08.1847).

Перед нами еще не актуализирующая проза публицистики второй половины XX в., но это и не классический тип синтагматической прозы. Текст подлежит интонированию. Особенно впечатляет интонационный акцент, сделанный нераспространенным предложением *Мы ошиблись*.

При изучении истории публицистического стиля принципиально важно обратить внимание на особенности указания на источники информации. Значительная информация в новостном потоке является неавторизованной:

Рассказывают, что герцог Моннансиерский изобрел новый метательный снаряд...

Говорят, Герцогиня Орлеанская оканчивает теперь одно философско-историческое сочинение, которое она намерена обнародовать.

Говорят, дано повеление двинуть в Каталонию большую часть войск, составляющих экспедиционную армию в Португалии.

Из окрестностей Одессы получают известия, что... (01.08.1847).

В некоторых случаях дается указание на то, что информация получена из частной переписки. В других случаях источник сообщения заменяется ссылкой на генерального субъекта того или иного события:

Последние известия из Мадрида не любопытны. В письмах с каталонской границы извещают, что Карлистская шайка заняла город Кампредон, в котором захватила публичные кассы...

Судя по частной корреспонденции Times, привезенной из Лиссабона пароходом «Иберия», по 20-е июля, спокойствие Португалии только мнимое...

В письмах из Рио-Жанейро извещают, что спор, возникший между Бразильским Правительством и Соединенными Штатами, становится очень серьезным.

Обвинительная палата Кольмарского суда предала Уголовному суду 32 человек, участвовавших в беспокойствах в Мюльгаузене...

Монелльеский суд исправительной полиции приговорил, 15-го числа, за фальшивую игру, Графа Адольфа Ломбарда де Кастелле и Жана Батиста Коссонеля к двухлетнему заключению и к пене во сто фр. <...>

Министр Юстиции и Духовных Дел намерен учредить, по примеру комиссии исторических памятников, находящейся при Министерстве Внутренних Дел, комиссии религиозных памятников... (01.08.1847).

Подобные особенности указания на источник информации говорят о том, что привязка текста к координатам социального пространства-времени была существенно меньше, чем в современной печати. Соответственно меньше была и глубина погружения издания в общую практическую деятельность общества.

На общем фоне современных ей газет и журналов газета отличалась заметным новостным контентом, и многие отмечали «Северную пчелу» как газету новостей. Имидж издания как прежде всего информационного поддерживался не только новостным потоком, но и различного рода материалами аналитического характера, посвященными самым разнообразным сферам деятельности. По стилю материалы существенно отличались друг от друга. Представление о необходимости наличия речевой концепции издания, которая придавала бы ему стилистическую целостность, еще не сформировалось. Отдела рерайта в газете не было. Поэтому лексико-грамматический строй этих материалов существенно больше, чем в XXI в., зависит от темы, личной речевой манеры автора текста. Так, материал о природе и экономике Финляндии воспринимается легко как по синтаксическому строю, так и по лексическому наполнению:

Большая часть Финляндии состоит из диких скал, озер и болот, имеет много обширных сухих пространств и возвышенностей. В некоторых губерниях встречается земля, удобная для сенокосов и посева хлеба, но есть и такие места, над которыми земледelec принужден трудиться много и долго, чтобы посеять на них свои семена. Берега Финского залива покрыты голыми утесами, на которых изредка растет ель, сосна и береза. К северо-западу от Гельсингфорса и Або скалы эти понижаются и представляют более отлогую поверхность. Некоторые из них до того заросли лесом и мохом, что кажутся земляными горами. Ближе к С. Петербургу, вместо гранитных скал мы видим мелкий булыжник, который дает нам самое слабое понятие о Финляндской природе (01.08.1847).

Материалы литературно-критического толка писались в соответствии со сложившейся традицией в канонах синтагматической прозы, хорошо знакомой нам, например, по критическим сочинениям В.Г.Белинского. Трудно представить себе что-либо более неподходящее по языку для массовой аудитории:

Если бы объем газеты позволял, мы сделали бы еще несколько выписок, которые вполне доказали бы, что приговор Петербургских журналов стихотворениям Кн. М. Голицына не добросовестен. И то сказать, новый поэт, подобно иным знатым писателям нашим, не принадлежит ни к какой журнальной котерии: при соблюдении этого условия он, верно, был бы уже прославлен услужливыми рецензентами. Но, на беду всем литературным котериям и партиям — есть нечто сильнее всех котерий и партий: вкус, чувство и мнение читателя беспристрастного. Не приходя в восторг от рассмотренных стихотворений, не скрывая, что в них есть значительные недостатки и несовершенства, местами в отделке стиха, местами в непоследовательности, неразвитии а иногда и устарелости общей мысли, скажем, однако же, что эта книжечка «стихотворений» очень и очень выходит из ряда толико известных сестриц своих, появляющихся почти каждый месяц (21.08.1947).

Выводы. Анализ речевого материала газеты «Северная пчела» говорит о том, что мы еще не можем квалифицировать его как публицистический стиль в современном понимании.

Включенность издания в общую практическую жизнь общества, его утилитарность, в речевом отношении выражена слабо, находится еще в стадии формирования. Так, значительная часть текстов создается в традициях синтагматической прозы, не рассчитанной на быстрое и легкое прочтение, на контакт с аудиторией.

Общая лексико-грамматическая демократизация языка не получает интенсивного развития по нескольким причинам: ориентация на ограниченный круг средних слоев населения, небольшой тираж, затруднения, связанные с получением и опубликованием информации, посвященной внутренней жизни страны. Газета не выглядит как средство массовой информации в его сегодняшнем понимании.

Система презентации текста только начинает формироваться. За материалами определенной тематики закреплены соответствующие места, вводятся профессионализмы *подвал, фельетон, смесь*. В то же время заголовочный комплекс не развит, верстка настолько плотная, что подчас трудно заметить границы между отдельными текстами.

Публицистичность в традициях русского Средневековья в газете, абсолютно избегающей критического отношения к власти, направлена только на идеи и концепции демократического лагеря и проявляется достаточно ощутимо в стилистических традициях литературной полемики. Публицистичность как совокупность речевых технологий воздействия на аудиторию в интересах власти не сформировалась.

Несомненной заслугой Ф. В. Булгарина является попытка ввести в публичный журнальный и газетный оборот материалы, созданные на основе концепции разговорности. Издатель предугадал появление бульварного типа изданий и — шире — бульварного типа речевого поведения.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1972). О синтаксических типах художественной прозы. В *Общее и романское языкознание* (с. 189–199). Москва: Изд-во МГУ.
- Белинский, В. Г. (1982). Современные заметки. В Белинский В. Г. *Собр. соч. в 9 т. Т. 8. Статьи, рецензии и заметки, сентябрь 1845 — март 1848* (с. 562–586). Москва: Художественная литература.
- Дягилева, И. Б. (2012). Новая иноязычная лексика в газете «Северная пчела» (30–40-е гг. XIX в.). *Труды Ин-та лингв. исследований, VIII* (3), 205–217.
- Иванова, М. В. (2008). Историческая основа формирования публицистического стиля и языка первых русских СМИ. *Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика, 4*, 14–18.
- Кожина, М. Н. (2003). Стилистика историческая (диахроническая). В М. Н. Кожина (Ред.), *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* (с. 416–420). Москва: Флинта; Наука.
- Ковалева, М. М. (1996). *Лекции по истории отечественной журналистики*. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та.
- Козлова, М. М. (2000). *История отечественных средств массовой информации*. Ульяновск: УлГТУ.
- Коньков, В. И. (2016). Медиа речь: содержание понятия и принципы анализа. *Мир русского слова, 3*, 58–63.
- Коньков, В. И., Соломкина Т. А. (2020). Формирование смысла драматургической речи. *Верхневолжский филологический вестник, 3*, 147–155.
- Левин, В. Д. (1964). *Краткий очерк истории русского литературного языка*. Москва: Просвещение.
- Лихачев, Д. С. (1972). Своеобразие исторического пути русской литературы X–XVII веков. *Русская литература, 2*, 3–36.
- Лурье, Я. С. (1980). Литература в период образования единого русского государства. Элементы Возрождения в русской литературе. Середина XV–XVI век. В Н. И. Пруцков (Ред.), *История русской литературы: в 4 т. Т. 1* (с. 185–290). Ленинград: Наука.
- Сметанина, С. И. (2016). Изображение и слово: сюжетные иллюстрации в журнале «Вокруг света» в конце XIX — начале XX в. В О. Н. Ансберг, Е. С. Сониной (Сост.), *История газетно-журнальной иллюстрации: сб. статей. Ч. I* (с. 72–82). Санкт-Петербург: Свое издательство.
- Сорокин, П. А., Мертон Р. К. (2004). Социальное время: опыт методологического и функционального анализа. *Социологические исследования, 6*, 112–119.

Источники

Словарь русского языка: в 4 т. (1981–1984). Москва: Русский язык.

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2020 г.;
рекомендована в печать 24 февраля 2021 г.

Контактная информация:

Коньков Владимир Иванович — д-р филол. наук, проф.; v_konkov@mail.ru

From journalism to journalistic style: The “Northern Bee” of 1847

V. I. Konkov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Konkov, V. I. (2021). From journalism to journalistic style: The “Northern Bee” of 1847. *Media Linguistics*, 8 (2), 104–121. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.201> (In Russian)

The article is devoted to the history of the formation of journalistic style. The text of the media in its existence is always associated with the coordinates of social space-time, which determine the time and place of its publication. Publicist texts currently operate in the communicative environment of the media and the Internet. It is customary to talk about the communicative environment of modern media. In addition to journalistic speech in the communicative environment, the media also functions with other types of utilitarian speech: advertising, public relations, and government relations. Journalistic style in its modern sense arises when journalism and utilitarianism are distinctly combined in one text. This claim requires confirmation on the basis of linguistic materials of Russian newspapers and journals of the eighteenth-twentieth centuries. The article analyzes the publications of Thaddeus Bulgarin's newspaper “Northern Bee” — one of the most influential newspapers of the mid-nineteenth century. The newspaper did much to ensure that society in the twentieth century received influential printed media speech as one of the most significant achievements in the speech practice of society. Bulgarin anticipated the appearance of publications based on the speech concept of colloquialism. In the publications of “Northern Bee”, the beginning of the transition from syntagmatic prose to actualized, which only a few decades later began to appear in fiction, is well visible.

Keywords: journalism, journalistic style, media, tabloid, syntagmatic prose.

References

- Arutiunova, N. D. (1972). About syntax types of artistic prose. In *General and Romance Linguistics* (pp. 189–199). Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian)
- Belinskii, V. G. (1982). Modern notes. In V. G. Belinsky. *Sobr. in 9 t. T. 8. Articles, reviews and notes, September 1845 — March 1848* (pp. 562–586). Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ. (In Russian)
- Diagileva, I. B. (2012). New foreign language vocabulary in the newspaper “Northern Bee” (30–40s of the 19th century). *Proceedings in ta lingw. Research*, VIII (3), 205–217. (In Russian)
- Ivanova, M. V. (2008). The historical basis for the formation of the journalistic style and language of the first Russian media. *Vestnik. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 4, 14–18. (In Russian)
- Kozhina, M. N. (2003). The style is historical (diachronic). In M. N. Kozhina (Ed.), *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language* (pp. 416–420). Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)
- Kovaleva, M. M. (1996). *Lectures on the history of domestic journalism*. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta Publ. (In Russian)
- Kozlova, M. M. (2000). *History of domestic media*. Ulyanovsk: UIGTU Publ. (In Russian)

- Konkov, V. I. (2016). Media: The content of concepts and principles of analysis. *Mir russkogo slova*, 3, 58–63. (In Russian)
- Konkov, V. I., Solomkina, T. A. (2020). Forming the meaning of dramatic speech. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 3, 147–155. (In Russian)
- Levin, V. D. (1964). *A brief essay on the history of the Russian literary language*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian)
- Likhachev, D. S. (1972). The originality of the historical path of Russian literature of the 10th and 17th centuries. *Russkaia literatura*, 2, 3–36. (In Russian)
- Lur'e, Ia. S. (1980). Literature during the formation of a single Russian state. Elements of the Renaissance in Russian literature. Mid XV — XVI Century. In N. I. Prutkov (Ed.), *History of Russian Literature*: in 4 t. T. 1 (pp. 185–290). Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)
- Smetanina, S. I. (2016). Image and word: story illustrations in the magazine “Around the World” in the late 19th — early 20th century. In O. N. Ansberg, E. S. Sonina (Comp.), *Istoriia gazetno-zhurnal'noi illiustratsii: sbornik statei. Vol. I* (pp. 72–82). St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ. (In Russian)
- Sorokin, P. A., Merton, R. K. (2004). Social time: experience of methodological and functional analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 6, 112–119. (In Russian)

Received: November 11, 2020

Accepted: February 24, 2021

Author's information:

Vladimir I. Konkov — Dr. Sci. in Philology, Professor; v_konkov@mail.ru